

**«Советская древность»:
люди, учреждения,
книги и наука о
древности в СССР**

Отв. редактор С.Г. Карпюк

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

«Советская древность»:

**люди, учреждения, книги
и наука о древности в СССР**

Отв. редактор С.Г. Карпюк

Москва
2021

УДК 94(3)+94(47)084
ББК 63.3(0)3+63.3(2)6
С56

Рецензенты:
академик РАН М.Д. Бухарин,
доктор исторических наук, профессор Т.В. Кудрявцева

«Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк. Коллективная монография. Москва: ИВИ РАН, 2021. – 494 с.

Книга посвящена самым разным, подчас неожиданным, аспектам изучения древности в СССР. Она предназначена и для специалистов по древней истории, и для специалистов по истории XX в., и для всех тех, кто интересуется этими совершенно разными, но одинаково интересными эпохами мировой истории.

ISBN 978-5-94067-527-3

© Институт всеобщей истории РАН, 2021
© коллектив авторов, 2021

Последние годы академика С.А. Жебелёва

Существует немалое число работ, посвященных научным трудам и жизненному пути С.А. Жебелёва¹. Сравнительно хорошо исследован «ранний» Жебелёв, «академическое дело» и его печально знаменитое «открытие» восстания Савмака; есть работы, посвященные активной общественной деятельности, жизни и смерти академика в блокадном Ленинграде.

Авторы настоящей главы, на основании материалов из московских и ленинградских архивов, попытаются представить деятельность С. А. Жебелёва в конце 1930-х годов, в зените славы, когда его рассматривали как старейшину советских антиковедов. Для характеристики ученого использован сравнительно редко используемый историографами и специалистами по истории науки (в сравнении со специалистами по политической и военной истории) комплекс источников – стенограммы и протоколы заседаний Ученых советов институтов и других академических учреждений Москвы и Ленинграда. Прежде всего, следует выделить именно стенограммы и те протоколы, которые (в отличие от кратких) составлялись на основе стенографических отчетов – разносторонний источник,

---

¹ Укажем на важнейшие публикации последних десятилетий: Гаврилов 1992, 53–73; Тункина, Фролов 1993; Письма Ростовцева... 1997, 369–408; Тункина 2000, 116–161; Фролов 2006, 293–307; Tunkina 2017a. См. также: К 50-летию юбилею... 1940, 160–187; К 100-летию... 1968, 145–175.

охватывающий различные стороны жизни научного сообщества и ярко характеризующий эпоху².

Особенный интерес в этом отношении представляет стенограмма заседания гуманитарных институтов АН СССР памяти С. А. Жебелёва от 31 января 1942 г.: «Стенографический отчет объединенного заседания Институтов: Истории, Истории материальной культуры и мировой литературы Академии Наук СССР и Института языка, литературы и истории УзФАН³, посвященного памяти академика С. А. Жебелева»⁴. Оно состоялось в Ташкенте, куда были эвакуированы академические институты из Москвы и Ленинграда, в том числе и Институт истории, на базе которого и проходило это заседание⁵.

Председательствовал на заседании академик Б. Д. Греков⁶, который и выступил со вступительным словом⁷. На заседании с докладами, посвященными С. А. Жебелёву, выступали: В. В. Струве («С. А. Жебелёв как историк древнего мира»), Б. Д. Греков («Труды С. А. Жебелёва по истории Причерноморья»), Т. Н. Книпович («Жебелёв и изучение Северного Причерноморья»), Ю. В. Готье («Памяти С. А. Жебелёва»), К. В. Тревер («Жебелёв и охрана

---

² См. об этом также: Бугаева, Ладынин 2016, 187–194; Карпюк, Малюгин 2017, 461.

³ УзФАН – Узбекский филиал АН СССР.

⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. 40 л.

⁵ Сессия памяти С. А. Жебелёва – не единственная научная сессия Института истории АН СССР, проводившаяся в Ташкенте: 7 и 17 июня 1942 г. состоялись два заседания сессии «Иван Грозный и его время». Атмосферу жизни ученых в эвакуации передают недавно опубликованные письма директора института Б. Д. Грекова, см.: Бухерт 2016, 95–114.

⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3–3 об.

культурного наследия»), Л. А. Мацулевич («Смерть на посту»), Б. В. Горнунг (от имени ИМЛИ им. Горького)⁸.

В личном фонде одного из участников заседания – Л. А. Мацулевича – сохранилась сделанная им вырезка из газеты «Правда Востока» с объявлением о заседании (с подписанной на обороте датой выхода и номером газеты «30.1.942 № 25»)⁹, а также пригласительный билет с программой заседания¹⁰.

Необходимо отметить, что уровень стенографирования в АН СССР в ту эпоху был высоким¹¹, стенографисты передавали не только смысл, но и стилистику выступлений, что делает стенограммы очень «живым», выпуклым источником. Стенограммы, которые обычно изготавливали в двух или трех экземплярах¹², представляли собой машинопись, либо с

---

⁸ Названия докладов приводятся в начальной части стенограммы (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 2): С. А. Жебелев как историк древнего мира – акад. В. В. Струве. Труды С. А. Жебелева по истории Причерноморья – акад. Б. Д. Греков. Памяти С. А. Жебелева – акад. Ю. В. Готье. Жебелев и изучение Северного Причерноморья – проф. Т. Н. Книпович. Жебелев и охрана культурного наследия – проф. К. В. Тревер. Смерть на посту – проф. Л. А. Мацулевич. Порядок докладов, перечисленных в этой части стенограммы, указан неверно, из дальнейшего текста следует, что доклад Т. Н. Книпович предшествовал докладу Ю. В. Готье, а не следовал за ним. Последний доклад – Б. В. Горнунга – в данном списке вообще не указан. Поскольку названия докладов не повторяются в тексте стенограммы, а в этом списке выступление Б. В. Горнунга пропущено, то название его доклада не сохранилось.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 46–46 об.

¹⁰ Там же. Л. 45.

¹¹ Постановлением ВЦИК от 10 июня 1933 года в РСФСР была введена Государственная единая система стенографии (ГЕСС).

¹² Об этом могла свидетельствовать отметка на титульном листе, например: «Отп[ечатано] в 3-х экз[емплярах]» (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1578. Л. 150).

одной, либо с обеих сторон листа¹³. На некоторых стенограммах фамилия стенографа указана на титуле: так, стенограмма ташкентского заседания гуманитарных институтов АН СССР памяти С. А. Жебелёва от 31 января 1942 г. подписана «стенограф Т. Вандербеллен» (этой фамилией также подписаны некоторые московские стенограммы академических учреждений)¹⁴.

В стенограмме ташкентского заседания объединены разнородные доклады. Некоторые из них характеризует преимущественно официальный тон. Особой официозностью отличался доклад В. В. Струве¹⁵. Вот некоторые выдержки из текста его выступления:

---

¹³ Отчасти это объясняется порядком стенографирования – если стенографистов было двое, то они работали по очереди, в этом случае текст печатался каждым с двух сторон листа, но мог заканчиваться и на одной его стороне при передаче «эстафеты» другому, который всякий раз начинал очередную запись с нового листа. При этом каждый ставил в верхней части листа фамилию и номер (1–1, 1–2 ... 2–1, 2–2 и т.д.); иногда они работали на разной бумаге, листы могли различаться не только плотностью, но даже размером и цветом (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1578. Л. 150–198; Д. 1613. Л. 40–101).

¹⁴ Часто на титульном листе указывались название машинописного бюро (с адресом и телефоном), номер заявки, фамилии стенографистов и машинисток, как об этом свидетельствуют стенограммы научных заседаний при ЛОИИ 1939–1940 гг. (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1578. 198 л.; Там же. Д. 1613. 539 л.). На титуле стенограмм 1939 г. упоминаются одни и те же фамилии: стенографисты – Н. А. Гиршфельд, Е. А. Зверева, машинистки – В. М. Беккер, Е. А. Евгениева, Производственное Бюро Стенографов, ул. Чайковского, д. 29 (Там же. Д. 1578. Л. 64, 150); в стенограммах заседаний 1940 г. указаны работники другого бюро Ленинграда – стенографы И. Л. Артурова, Е. С. Розенталь, Бюро Стенографии, пр. Володарского, 42 (Там же. Д. 1613. Л. 40).

¹⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 4–12 об.

«В начале декабря 1942 года в героическом Ленинграде оборвалась жизнь одного из лучших представителей советской исторической мысли. ... В его лице Великая Октябрьская революция нашла крупнейшего ученого, который вместе со своим гениальным другом Николаем Яковлевичем Марром принял участие в создании советской науки вообще и, в частности, советской исторической науки, в самом подлинном смысле этого слова¹⁶.

... В творческие годы, наступившие для нашей родины после Великой Октябрьской революции, С. А. Жебелев не остался в стороне от строительства нашей советской исторической науки, как это подчеркивалось в приветствии к нему в день пятидесятилетнего юбилея»¹⁷.

Доклад Б. Д. Грекова¹⁸ в значительной степени повторял его выступление на чествовании С. А. Жебелева в 1940 г.¹⁹ и носил официальный характер. Б. Д. Греков перечислил многочисленные обязанности академика и его заслуги перед наукой. Но, вместе с тем, в этом выступлении звучали и нотки личного отношения:

«С. А. Жебелев, как уже отметил В. В. Струве, умел учить. Он был необычайно строг к самому себе и к своим ученикам. Тот, кто сдавал экзамен у Сергея Александровича, со мной согласится полностью. Пойти к нему на экзамен не было легким делом, потому что Сергей Александрович был действительно строгим экзаменатором, «проваливал» много, приходилось приходиться к нему по несколько раз, но, если кто

---

¹⁶ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁷ Там же. Л. 9 об.

¹⁸ Там же. Л. 13–17.

¹⁹ См.: К 50-летию юбилею... 1940, 173–176.

выдерживал экзамен на хорошую оценку, тот действительно мог сказать, что предмет знает хорошо. Но никто на него не обижался, ибо тот, кто к самому себе относится чрезвычайно строго, имеет право относиться строго и к другим. В этом отношении Сергей Александрович не заслуживал упреков»²⁰.

Доклад Т. Н. Книпович²¹ тоже начинался с перечисления научных и организаторских заслуг С. А. Жебелева, вместе с тем она говорила и о личных качествах Сергея Александровича. Особенно пронзительно ее описание последних встреч с С. А. Жебелевым в блокадном Ленинграде:

«Начиная с 1934 г. и до последних дней своей жизни С. А. Жебелев возглавлял ту ячейку, в которой концентрировалось изучение Северного Причерноморья – кафедру античных колоний Северного Причерноморья при античном секторе ГАИМК и Сектор древнего Причерноморья ИИМК²².

...В этой работе по перестройке археологического изучения Северного Причерноморья С. А. Жебелеву, несомненно, принадлежит ведущее место. Все мы, близко знавшие Сергея Александровича, и работавшие вместе с ним, помним его настойчивые советы не увлекаться вещеведением, а изучать культуру Причерноморских колоний – изучать и во время археологических раскопок, и в научно-исследовательской работе; советы не игнорировать местную культуру Причерноморья, но не забывать и того, что только на основе широкого знакомства с античным миром, его историей, языками и

---

²⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 16 об. – 17.

²¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 18–22 об.

²² Там же. Л. 18 об.

материальной культурой можно понять и наши колонии²³.

...Вообще он не боялся критики, любил ее и приучал к ней своих товарищей по работе. Бывали случаи повторных докладов на ту же тему, когда С. А. Жебелев защищал свои положения или, наоборот, отказывался от них, признавая справедливость сделанных указаний²⁴».

Наибольший интерес с точки зрения истории науки представляют доклады Ю. В. Готье и Л. А. Мацулевича, которые показывают жизнь и деятельность ученого с разных сторон, передают неизвестные детали его научной и личной биографии. Именно поэтому они публикуются полностью в приложении к статье.

Юрий Владимирович Готье (1873–1943) – специалист по российской истории (с древнейших времен до XIX в.) и восточноевропейским древностям²⁵, который, ко времени ташкентского заседания, получил звание академика АН СССР (1939). Судьба ученого была непростой и имела переклички с судьбой С. А. Жебелева: в 1930 г. Ю. В. Готье был арестован по «академическому делу», отправлен в ссылку в Самару, но в 1934 г. ему разрешили вернуться в Москву, он возобновил преподавательскую деятельность, в том числе и в Московском университете. Доклад академика Ю. В. Готье²⁶, который жил и работал в Москве,

---

²³ Там же. Л. 19–19 об.

²⁴ Там же. Л. 22.

²⁵ Заметим, что Ю. В. Готье входил в состав редколлегии «Вестника древней истории»: он обозначен как член редколлегии в первом номере журнала за 1941 год, когда впервые и появляется указание на редколлегию журнала (до этого упоминался только редактор). Следует отметить, что в ВДИ тогда печатались и статьи по древнерусской истории.

²⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 23–24.

характеризует деятельность С. А. Жебелева в московских учреждениях АН СССР, значение его как ведущего советского антиковеда, особенно проявившееся в конце 1930-х годов, признание его заслуг коллегами и учениками.

Особенно примечателен доклад Л. А. Мацулевича²⁷, наполненный личными и бытовыми деталями. Леонид Антонович Мацулевич (1886–1959) – археолог, известный историк культуры и искусства Византии и Причерноморья в позднеантичный период, доктор искусствоведения, член-корреспондент АН Грузии²⁸. В разные годы был научным сотрудником Русского музея, Государственного Эрмитажа, ИИМК АН СССР, профессором Ленинградского университета. На него, как и на С. А. Жебелёв, большое влияние оказал Н. П. Кондаков, он вместе с С. А. Жебелёвым участвовал в сборнике памяти Я. И. Смирнова, с которого началась травля академика в 1928–1929 гг.

Текст доклада Л. А. Мацулевича в стенограмме ташкентского заседания, кроме того, содержит авторскую правку (в то время как все другие доклады таких исправлений не имеют). Следует отметить, что практика вносить авторскую правку в стенограммы была распространена в стенограммах различных научных заседаний. По-видимому, она неукоснительно соблюдалась в особенно важных «политических» случаях. Так в «Стенограммах заседаний Ученого Совета ЛОИИ 1940 г.»²⁹ имеется стенографический отчет научной сессии ЛОИИ, посвященной 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса, в котором авторскую

---

²⁷ Там же. Л. 29–37.

²⁸ О Л. А. Мацулевиче см.: Соленикова 2004, 436–457; Тункина 2017б.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1613. 539 л.

правку (как правило, с подписью и обозначением даты) содержат все три прочитанных доклада³⁰. Кроме того, в материалах этой стенограммы сохранилась записка, адресованная одному из докладчиков³¹:

Ст. научн. сотр. ЛОИИ Ковалеву С.И.
Просим Вас не позднее 10–12 декабря с.г. представить исправленный и подписанный Вами текст доклада, сделанного Вами 28/XI с.г. на научной сессии ЛОИИ, посвященной 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

п.п. И.о. зав. Лен. отделением
Института истории
(М. В. Левченко)
Секретарь Института истории
ЛОИИ
(Е. И. Бочкарева)³²

В тексте доклада Л. А. Мацулевича, кроме исправлений на листах машинописи, имеется отдельный лист-вставка со сделанными от руки записями, а также собственноручная запись Л.А. Мацулевича с подписью и датой (27 марта 1942 г.) о том, что он проверил стенограмму и внес правку (о характере правки

---

³⁰ Там же. Л. 183–226. Кроме того, материалы этой стенограммы наглядно показывают практическое значение авторской правки не только для текста выступления: так, неверно указанная фамилия одного из докладчиков («Ваньштейн» вместо «Вайнштейн») было собственноручно им исправлена в тексте стенограммы (Там же. Л. 196).

³¹ Там же. Л. 184.

³² Документ представляет собой машинопись. Сокращение «п[о] п[оручению]» вписано от руки чернилами, как и подпись секретаря Е. И. Бочкаревой.

подробнее см. во вводных замечаниях к Приложению)³³. Автор также вписал название доклада: «Смерть на посту. Памяти С.А. Жебелева»³⁴, в то время как другие доклады в тексте стенограммы не озаглавлены.

Важно и то, что в личном фонде Л. А. Мацулевича в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился рукописный автограф этого доклада³⁵, а также материалы, связанные с работой над докладом и его последующей судьбой³⁶. Дополнительным стимулом к публикации этого доклада оказалось также то обстоятельство, что сам автор предполагал его опубликовать: он был отправлен в 1946 г. (т.е. спустя пять лет после смерти С.А. Жебелёва) в редакцию «Византийского временника»³⁷, однако тогда он так и не был напечатан³⁸.

Доклад К.В. Тревер³⁹ был посвящен отношению С. А. Жебелёва к охране культурного наследия, завершал заседание официальный доклад представителя Института мировой литературы им А.М. Горького Б.В. Горнунга⁴⁰.

Стенограмма заседания в Ташкенте демонстрирует, что к концу 30-х – началу 40-х годов С. А. Жебелёв становится не просто классиком, но и признанным главой советского антиковедения.

---

³³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 37.

³⁴ Там же. Л. 29.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–36.

³⁶ Об этом подробнее см.: вводные замечания к Приложению.

³⁷ Это следует из рукописной пометки Ж. А. Мацулевич, вдовы ученого, к списку трудов Л.А. Мацулевича: «Рукопись сдана в Визант[ийский] Временник 23. II. 1946» (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21. Л. 11).

³⁸ Об этом см.: Solenikova 2004, 453.

³⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 25–28.

⁴⁰ Там же. Л. 38–40 об.

В 1936 г. во французском журнале «Revue des Études Grecques» был опубликован перевод ставшей знаменитой статьи Жебелёва о восстании Савмака⁴¹. Это была одна из последних публикаций работ советских античников на Западе перед длительным перерывом.

Следует отметить, что эта основополагающая, с идеологической точки зрения, статья о восстании Савмака, появившаяся в 1933 г., была опубликована вторично по-русски в «Вестнике древней истории» в 1938 г.⁴²: необходимо было «чистое» издание этой статьи; предыдущее вышло с предисловием А.Г. Пригожина, расстрелянного еще в 1936 г.

Вообще, С.А. Жебелёв – один из самых активных авторов предвоенного ВДИ: одна статья в 1937 г., три статьи в 1938 г. (включая переиздание «Последнего Перисада»), одна статья и обзор (о В. Г. Васильевском) в 1939 г., одна статья в 1940 г.⁴³

Как можно объяснить превращение опального академика времен «академического дела» в признанного главу советских античников, заслуженного деятеля

---

⁴¹ Жебелёв 1933; Žébělev 1936, 17–37. Французский перевод статьи был выполнен учеником Жебелёва А. И. Доватуром, собственная статья которого появилась в REG в следующем 1937 г. Аристид Иванович впоследствии рассказывал Э. Д. Фролову, что он узнал о ее публикации во Франции в тот непростой момент жизни, когда он, осужденный в 1937 г. по стандартному в то время обвинению в контрреволюционной деятельности, уже несколько месяцев работал на лесоповале, «рубил сучья на спиленных деревьях». (Интервью Э. Д. Фролова 13.06.2017. Об этом см. также: Фролов 2006, 520).

⁴² Жебелёв 1938, 49–71.

⁴³ К 50-летию юбилею... 1940, 186–187 (в разделе «Биография академика Сергея Александровича Жебелёва и список его печатных трудов», с. 176–187).

науки РСФСР, орденоносца? Такую перемену в положении С.А. Жебелёва связывают обычно с «замечательным открытием» восстания Савмака – первого восстания угнетенных масс на территории СССР, этому сюжету посвящено немало научных трудов⁴⁴. Конечно, наученный горьким опытом «академического дела», Жебелёв «подстроился» под эпоху, это очевидно.

Но и эпоха, парадоксальным образом, стала подстраиваться под него. В автонекрологе 1932 г. ученый причислил себя к «фактопоклонникам»⁴⁵. Но это самое фактопоклонничество с середины 30-х годов становится всё более востребованным в советской исторической науке, придя на смену марксистским (или псевдомарксистским) дискуссиям. После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» теоретические споры прекратились, зато фактография в рамках общей, утвержденной сверху, схемы оказалась крайне востребованной⁴⁶. И вполне лояльные власти (а другим в условиях чисток и «большого террора» было трудно не только остаться в профессии, но и просто выжить) историки «старой школы», такие как Греков, Виппер, Тарле, Жебелёв, становятся классиками, их вклад в науку признается безусловным, их труды вне критики, они могут продолжать свои исследования, основанные на анализе материала источников, а не на социологических схемах.

Ко времени реорганизации гуманитарных институтов АН СССР в 1936–1937 гг. С. А. Жебелёв

---

⁴⁴ См.: Гаврилов 1992, 53–73; Формозов 2006, 166–171 (с литературой вопроса).

⁴⁵ Жебелёв 1993, 180.

⁴⁶ Об этом см. также: Крих 2013, 137; Карпюк, Малюгин 2017, 459.

(избран в академики в 1927 г.) был, наряду с А. И. Тюменевым (избран в 1932 г.) и В. В. Струве (избран в 1935 г.) одним из трех действительных членов АН СССР, специалистов по древней истории, причем единственным, избранным еще до полной «советизации» Академии наук. С. А. Жебелёв занимал различные руководящие должности в ленинградских учреждениях АН СССР: прежде всего, с 1937 г. заведовал сектором Древнего Причерноморья ИИМК. Это был очень значительный сектор, в нем насчитывалось 14 сотрудников (для сравнения, сектор древней истории Института истории в Москве, образованный в 1938 г., насчитывал 6 сотрудников). Он был членом Ученого Совета Института истории АН СССР в Москве и неоднократно принимал участие в его заседаниях, о чем свидетельствуют протоколы и стенограммы заседаний. На первом заседании 7 февраля 1938 г. и.о. директора института Б. Д. Греков огласил список членов Ученого Совета (всего 21 фамилия). В нем всего числилось 7 действительных членов АН СССР, включая трех – по истории древнего мира: Д. М. Петрушевский, С. А. Жебелёв, Н. М. Лукин, Б. Д. Греков, А. И. Тюменев, В. В. Струве, В. П. Волгин⁴⁷.

С середины 30-х годов С. А. Жебелёв часто ездил в Москву по делам АН СССР. Этому обстоятельству уделил особое внимание в своем докладе один из участников ташкентского заседания – академик Ю. В. Готье:

«В Москву Сергей Александрович до переезда туда Академии Наук ездил мало, бывал редко. ... Однако с 1935 года, когда общие собрания, которые, как правило, происходили каждый месяц, перенесены были

---

⁴⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

в Москву, Сергей Александрович до самого последнего времени (последний раз он был в Москве весной 1941 г.) был посетителем Москвы, постоянно принимал участие в сессиях Отделения истории и философии, заседаниях институтов. Его участие в заседаниях того же Института истории было самым живым, он во все входил, всем интересовался. Стоило посмотреть, как много народу было в приемной Отделения истории и философии в дни сессии, народу, который жаждал побеседовать с Сергеем Александровичем, посоветоваться, проконсультироваться. Это не были праздные посетители, это не были знакомые, друзья, нет, это были люди, которые хотели посоветоваться с С. А. Жебелевым, как с ученым»⁴⁸.

С. А. Жебелёв был привлечен для работы над «Всемирной историей» и первоначально должен был редактировать т. IV, посвященный эллинизму. Однако, в протоколе заседания Ученого совета Института истории АН СССР от 28 октября 1938 г. первым пунктом значится выступление С. А. Жебелёва «О продолжении работы над III томом “Всемирной истории”»⁴⁹. Сохранилась также стенограмма этого заседания, которая выпукло обрисовывает позицию С. А. Жебелёва, не отказывавшегося от сотрудничества с властями ради любимого дела и далекого, при этом, от внутриакадемических интриг⁵⁰. Суть в том, что академик А. И. Тюменев отказался быть редактором этого тома, а также отказался писать закрепленные за ним главы⁵¹; возник конфликт между ним и московским руководством (Президиум АН не включил Тюменева в

---

⁴⁸ Там же. Д. 54. Л. 23.

⁴⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2. Л. 58.

⁵⁰ Там же. Д. 12.

⁵¹ Там же. Л. 1–2.

число редакторов всего раздела по древней истории). Кроме того, Тюменев стал резко возражать против участия в проекте С. Я. Лурье, которого сам до этого и пригласил⁵².

Позиция Жебелёва была примирительной: «Я только ходатайствовал бы о том, чтобы первым шагом было обращение к А. И. Тюменеву с просьбой взять свое заявление обратно...»⁵³, и эта позиция была поддержана другими участниками обсуждения. Впрочем, старый академик сетовал на отсутствие нормальных человеческих взаимоотношений между академиками: «Я от себя это дело отметаю – убеждать или переубеждать. Согласитесь сами, что было бы гораздо проще, – А. И. [Тюменев] у меня лекции слушал, – просто-напросто прийти ко мне и сказать, что вот то-то и то-то создалось. А я узнал об этом инциденте только от Б. Д. [Грекова] после того, как Б. Д. получил эту бумагу»⁵⁴.

В результате, Ученый совет Института истории АН СССР от 10 ноября 1938 г. рассмотрел «состояние работы по редактированию I раздела – Греция и Рим – “Всемирной истории”» и постановил: распределить работу по редактированию и составлению I раздела, порученную акад. Тюменеву и «в свое время не выполненную им», между Жебёлевым, Мишулиным и Сергеевым⁵⁵.

С начала 1939 г. С. А. Жебелёв стал руководителем сектора истории древнего мира в Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ). Очевидно, это было связано с тем, что именно на него

---

⁵² Там же. Л. 2.

⁵³ Там же. Л. 10.

⁵⁴ Там же. Л. 11.

⁵⁵ Там же. Д. 2. Л. 62.

было возложено ответственное редактирование всех томов по древней истории «Всемирной истории», включая и второй том, посвященный истории древнего Востока, который до этого редактировал В. В. Струве. В Ленинграде в ЛОИИ под руководством С. А. Жебелёва проходило обсуждение подготовленных материалов для «Всемирной истории». Особенно интересны протоколы сектора истории Древнего мира, посвященные обсуждению подготовки II тома⁵⁶. Жебелёв – активнейший участник и организатор обсуждения глав, заседание 1 февраля 1939 г. он заключает словами: «Сегодня положено начало таким собраниям. Это будет плодотворно»⁵⁷. Для обсуждения глав назначаются рецензенты, сохранились копии договоров с авторами (в том числе и аннулированные)⁵⁸, графики подготовки и обсуждения материалов с указанием рецензентов и сроков представления работы⁵⁹. Копии протоколов отправляются в Москву, в сектор древней истории. Вот выдержка из письма А. В. Мишулину, заведовавшему сектором в Москве, отправленному А. Болтуновой от имени Жебелёва: «Просим также прислать нам по возможности скорее для ознакомления поступившие в сектор готовые рукописи и прислать протоколы обсуждения работ ленинградских авторов»⁶⁰.

Авторитет, такт и редакторские способности С. А. Жебелёва привели к тому, что к 1940–1941 гг. он уже выступает как главный редактор и «верховный арбитр» при редактировании всех томов «Всемирной

---

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1599. 39 л.

⁵⁷ Там же. Л. 12.

⁵⁸ Там же. Д. 1571. 48 л.

⁵⁹ Там же. Д. 1600. Л. 6–8.

⁶⁰ Там же. Л. 9–9 об.

истории» по истории древнего мира, включая и Древний Восток⁶¹.

О том, что Жебелёв считался старейшиной цеха антиковедов и почтенным символом советской науки о древности, свидетельствует эпизод с награждением академика. На заседании Ученого Совета Института истории АН СССР 8 октября 1940 г. Н. А. Машкин зачитал заявление Сектора древней истории о пятидесятилетии научной, общественной и педагогической деятельности акад. С. А. Жебелёва, приходившейся на декабрь 1940 г.⁶² А. В. Мишулин, дополняя Н. А. Машкина, перечислил заслуги Жебелёва и просил институт поддержать ходатайство «о присуждении С. А. Жебелеву звания заслуженного деятеля науки и о награждении его соответствующим орденом»⁶³. Характерна мотивировка, которую использовал А. В. Мишулин: «Известно, что академик и ряд членов-корреспондентов по филологии были также награждены. А нельзя ведь сказать, что филология – это более актуальное занятие, чем занятие в области древней истории»⁶⁴. Пятидесятилетие научной и преподавательской деятельности С. А. Жебелева был посвящен обширный материал в первом номере за 1940 г. «Вестника древней истории» (в разделе «Хроника»)⁶⁵. Характерно, что злополучная статья, давшая повод к

---

⁶¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1941). Д. 2. Л. 130–131.

⁶² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

⁶³ Там же. Л. 3 об. Сохранилось письмо Отделения истории и философии от 17 октября 1940 г. за подписью академика А. М. Деборина, секретаря Отделения истории и философии АН СССР, в Президиум АН СССР с ходатайством о присвоении академику С. А. Жебелёву звания заслуженного деятеля науки (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 345).

⁶⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 43. Л. 2 об.

⁶⁵ К 50-летию юбилею... 1940, 160–187.

травле Жебелёва, в этих материалах не упоминалась вовсе.

Таким образом, с точки зрения руководителей советской науки, признание заслуг С. А. Жебелёва означало признание авторитета советских историков древности вообще.

Как и в предшествующие десятилетия, в конце 1930 – начале 1940-х годов, С. А. Жебелёв был связан с преподавательской деятельностью, он состоял в должности профессора Ленинградского университета⁶⁶, входил в состав Ученого Совета университета и 20 декабря 1940 г. был избран его почетным членом⁶⁷.

Высок был авторитет С. А. Жебелёва и среди его учеников⁶⁸. Сергей Александрович был учителем таких известных исследователей, как И. И. Толстой, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов. Но и с теми, кто оказался за пределами страны, он стремился поддерживать связи, несмотря на закрытость СССР. Очевидно, при его

---

⁶⁶ Согласно ответу на запрос, полученному из Архива СПбГУ, «в личном деле Жебелёв С. А. с 01.12.1934 г. по 08.11.1936 г. значится профессором Исторического факультета. В личном счете с 09.11.1936 г. по 1940 г. значится академиком, профессором Исторического факультета; на конец 1941 года значится академиком, профессором Филологического факультета» (Р/К 78.08/4–12 от 4.07.2017). См. также сведения о совместительстве научных сотрудников ЛОИИ за 1940–1941 гг.: в качестве организации, в которой С. А. Жебелёв работает совместителем, указан Ленинградский университет (должность – профессор), дата составления документа не указана (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1636. Л. 68).

⁶⁷ См. об этом в «Отчете о деятельности ЛГУ за 1940 г.: научно-исследовательская работа. Л., 1941» (с. 10, 193–194).

⁶⁸ По словам Д. П. Каллистова, «для всякого стремящегося овладеть подлинно научными приемами анализа исторических источников быть учеником Сергея Александровича большое счастье и честь», см.: К 50-летию юбилею... 1940, 173.

поддержке в «Вестнике древней истории» была опубликована подробная информация о состоявшемся в августе 1939 г. в Берлине VI международном археологическом съезде, подготовленная его учеником по Петроградскому университету Э. В. Дилем, который переехал к тому времени из Латвии в Германию⁶⁹.

Уже после смерти академика, в 1942 г., одно только «звание» ученика С. А. Жебелёва было вполне достаточным основанием для утверждения в должности старшего научного сотрудника. Об этом свидетельствует стенографический отчет заседания Ученого совета Института истории Академии наук СССР, которое состоялось 22 декабря 1942 г. в Ташкенте:

«Удальцов А. Д. (член-корреспондент АН СССР). – Калистов непосредственный ученик С. А. Жебелева, один из любимых его учеников. С. А. Жебелев всегда много о нем говорил, всячески поддержки вал в работе. В настоящее время Д. П. Калистов работает над докторской диссертацией (История Боспора Киммерийского). Д. П. Калистов безусловно заслуживает утверждения в звании старшего научного сотрудника.

Председатель (академик Б. Д. Греков).

– Нужны ли еще дополнительные сведения относительно Д. П. Калистова. (Нет)»⁷⁰.

Последние месяцы жизни академик провел в блокадном Ленинграде. Наиболее ярко жизнь и деятельность С. А. Жебелёва в эти тяжелые дни «по горячим следам» среди участников ташкентской сессии описаны в выступлениях Т. Н. Книпович и Л. А.

---

⁶⁹ Диль 1940, 214–216.

⁷⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 56. Л. 16 об.

Мацулевича. Вот что говорила коллега С. А. Жебелёва по ИИМК:

«По-видимому, я принадлежу к числу тех, кто позже других видел Сергея Александровича в Ленинграде. Из Ленинграда я выехала 19 ноября и видела Сергея Александровича незадолго до отъезда. Это было время, когда жизнь в Ленинграде стала уже очень тяжелой и вследствие крайне тревожного состояния города, вызванного ночными и дневными налетами и артиллерийским обстрелом, и вследствие растущего голода. Та стойкость, с которой выносил Сергей Александрович это трудное время, действительно поражала. Сергей Александрович был одним из немногих, продолжавших исследовательскую работу, выступавших с отзывами на диспутах. Он повторял, что все мы, научные работники, во всяком случае, все те, кто не может активно участвовать в обороне страны, должны не ослаблять своей работы, которая если не сейчас, то после окончания войны очень и очень понадобится. Более того, он не хотел пользоваться преимуществами своего возраста, нес дежурства в воротах своего дома (напомню, что ему было 74 года), вошел даже в состав пожарной охраны, поднимался на чердак, принимал участие в тушении зажигательных бомб, вообще по мере сил активно участвовал в обороне Ленинграда. Уезжать из Ленинграда он не хотел⁷¹, хотя ясно сознавал опасность, которой ежедневно подвергался»⁷².

---

⁷¹ О неудачной попытке эвакуации из блокадного Ленинграда сохранился рассказ самого С. А. Жебелёва в записке «Моя «эвакуация»», автограф которой находится в СПбФ АРАН (Ф. 729. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7 об.), эта записка в 2000 г. была опубликована (со вступительной статьей и комментариями) А. В. Кольцовым (Кольцов 2000, 349–370). Ср.: Ю. А. Виноградов в докладе

В докладе Л. А. Мацулевича были переданы и его личные впечатления, и впечатления от встреч с С. А. Жебелёвым оставшихся в Ленинграде коллег, (Л. А. Мацулевич ссылался на полученные им письма):

«В разновремененно полученных мной письмах от товарищей постоянно попадаются сочувственные упоминания о С. А. Жебелеве.

В письме от 30.IX.41, между прочим, пишут, следующее: «С удовольствием часто беседую теперь с Сергеем Алекс. – крепче он многих, бодрее и здоровее; говорим с ним и о музыке, и о людях, и о прошлых университетских годах; 11-го в Институте истории будет заседание, посвященное столетию со дня рождения Ф. Ф. Соколова. Сергей Александрович, худенький теперь, как и все, и маленький, еще более маленький, чем всегда, выступит с докладом. Ничем не хочет он выделяться среди других, и потому горделиво отказывается от всяких дополнительных снабжений... Молодчина.

В этом «молодчина», сорвавшемся из глубины души, так отчетливо ярко раскрывается перед нами, какой отклик, какую оценку нашли в среде окружавших Жебелева товарищей-ленинградцев его духовная бодрость и мужество, невзирая на физическую слабость, его непоколебимое стояние на посту»⁷³.

«Последнее письмо академика С. А. Жебелёва», который был прочитан на «Жебелёвских чтениях» в 2016 г., обратился к неопубликованному письму, написанному С. А. Жебелёвым В. Ф. Штейн в Новосибирск и датированному 13 октября 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 5. Д. 151. Л. 83), в котором, возможно, также упоминается о несостоявшейся эвакуации С. А. Жебелёва и его близких. См.: Кулишова, Фролов 2017, 505.

⁷² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 22–22 об.

⁷³ Там же. Л. 36 об.–37.

В последние месяцы 1941 г. (с начала ноября до своей кончины 28 декабря) С. А. Жебелёв возглавлял Комиссию Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений, протоколы заседаний которой сохранились⁷⁴. Работа комиссии была чрезвычайно напряженной, иногда она собиралась по два–три раза в неделю, комиссия решала вопросы организации, занималась проблемами финансирования и быта ученых, она сыграла важную роль в сохранении академической науки в Ленинграде.

С. А. Жебелёв, по словам Л. А. Мацулевича, в последние годы часто ходит на кладбище, заботясь о памятниках и захоронениях коллег и друзей:

«Память умерших он бережно ограждал и у самой могилы. Мне рассказывали, как в последние годы, весной, когда тают снега, он направлялся на литераторские мостки Волкова кладбища в Ленинграде, проверял, в порядке ли надписи на памятниках, не обезличены ли могилы дореволюционных и советских ученых. Он лично принимал участие в редактировании многих памятных табличек»⁷⁵.

Судьба несправедлива, и точное место захоронения самого ученого неизвестно, как следует из письма академиков (не раньше ноября 1946 г.):

«В Президиум
Академии Наук СССР

Двадцать восьмого декабря текущего 1946 года исполняется пять лет со дня кончины заслуженного деятеля науки, академика Сергея

---

⁷⁴ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений: 25 августа 1941 г. – 29 декабря 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 1. 47 л.). См. об этом: Баженова, 2015.

⁷⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 33 об.–34.

Александровича Жебелева, умершего на своем славном трудовом посту в осажденном Ленинграде. Сергей Александрович погребен на литературских мостках Волкова кладбища, где находятся крупнейшие деятели русской культуры. В их ряду Сергей Александрович по праву занимает подобающее ему почетное место.

Вследствие тяжелых обстоятельств, связанных с блокадой Ленинграда, место погребения его осталось незафиксированным и в настоящее время установить его вполне точно невозможно. Тем не менее, коллеги Сергея Александровича и вся научная общественность Ленинграда, чтя память покойного русского ученого и патриота, до конца своих дней остававшегося на посту, обращается к Президиуму Академии Наук с ходатайством вынести соответствующее решение об отпуске средств и установления памятника Сергею Александровичу Жебелеву на Литераторских мостках Волкова Кладбища в устанавливаемом приблизительно месте его погребения.

По поручению группы академиков
и других научных работников
Ленинграда и Москвы
академик И.Ю. Крачковский
академик Н.С. Державин
академик И.И. Мещанинов»⁷⁶.

---

⁷⁶ АРАН. Ф. 4. Оп. 1 (1946). Д. 18. Л. 13–13 об. В левом верхнем углу л. 13 резолюция акад. С. И. Вавилова: «[управделами АН СССР] т. [И. В.] Зубову... В отношении могилы Жебелева необходимы срочные... меры. 15.XI 46 г.».

В годину испытаний поведение и деятельность С. А. Жебелёва были образцом для его соратников. Он многое сделал и пытался сделать для своих коллег и близких, но сам пал жертвой болезни в блокадном Ленинграде в холодные и голодные последние дни 1941 г. Не случайно, что именно эта фигура академика «старой школы», лояльного советской власти, могла объединить советских историков в годы войны.

Приложение

Из стенограммы заседания гуманитарных институтов АН СССР 31 января 1942 г. в Ташкенте, посвященного памяти С. А. Жебелёва

В Приложении из текста указанной стенограммы (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. 40 л.) полностью публикуются два доклада – Ю. В. Готье и Л. А. Мацулевича, которые, как уже упоминалось, представляют наибольший интерес с точки зрения истории науки. Текст доклада Ю. В. Готье (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 1, 23–24), пусть и довольно краткого, содержит важный материал о сотрудничестве С. А. Жебелёва с академическими институтами в Москве. Доклад Л. А. Мацулевича (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 29–37), более пространный, заслуживает особенного внимания, в нем упоминается о личной встрече автора с С. А. Жебелёвым в сентябре 1941 г., а также о некоторых неизвестных деталях научной и личной биографии ученого.

Доклад Л. А. Мацулевича в стенограмме ташкентского заседания представляет собой машинописный текст, напечатанный с обеих сторон

листа (как часть стенограммы листы имеют нумерацию – с. 50–64). Как уже подчеркивалось, в текст доклада Л. А. Мацулевичем была внесена авторская правка с указанием ее даты – 27 марта 1942 г. (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 37). Она касалась не только стилистики, орфографии и пунктуации текста, но и фактических уточнений, например, дат (на листах 36 об., 37). Кроме исправлений на листах машинописи, имеется отдельный лист-вставка со сделанными от руки записями (Там же. Л. 34). Автор также вписал название доклада: «Смерть на посту. Памяти С. А. Жебелева» (Там же. Л. 29).

В личном фонде А. Л. Мацулевича в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился автограф этого доклада (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–36). Текст доклада, аккуратно написанный автором чернилами (имеются также различные пометки красным и синим карандашом), содержится на отдельных листах размером в $\frac{1}{4}$ альбомного листа⁷⁷ (примерно 10,5 x 15 см), листы пронумерованы автором синим карандашом в левом верхнем углу и имеют общую обложку с надписью автора: «Доклад 31.1. 942. Смерть на посту. Памяти Жебелева. † 28.XII.941. Стенограмма доклада (страницы Стенограммы заседания 50–64) проверена и исправлена 27.3.42 и возвращена в Институт истории» (Там же. Л. 1). В этом же деле из личного фонда Л. А. Мацулевича имеются материалы по подготовке доклада: хронологические указания на важнейшие события жизни Жебелёва (Там же. Л. 41), составленный Л. А. Мацулевичем список «иностранных некрологов», написанных С. А. Жебелёвым, а также цитата из статьи памяти Бузескула

---

⁷⁷ На таких же листах Л. А. Мацулевич обычно делал выписки по интересующим его темам, см. об этом: Соленикова 2004, 441.

(Там же. Л. 43), которую Л. А. Мацулевич включил в свой доклад, и др.

Текст автографа содержит авторскую правку, которая, очевидно, проводилась в несколько этапов. Первоначальные исправления, по-видимому, были сделаны Л. А. Мацулевичем во время составления текста выступления: доклад, прочитанный автором на заседании, судя по тексту стенограммы, уже содержал сделанные автором изменения. Так, в той части доклада, где речь идет о ЖМНП, в автографе зачеркнуто предложение: «Я припоминаю на его страницах имена присутствующих в зале академиков Готье, Струве, членов-корреспондентов Удальцова, Шишмарева и друг.» (Там же. Л. 6). Текст стенограммы этого предложения не содержит, в то же время в печатном тексте на этом же листе уже учтена вставка: «в его неофициальной части» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 29 об.).

Некоторые добавления и исправления в автограф, вероятно, были внесены автором одновременно с правкой стенограммы доклада, о чем свидетельствует уже упомянутая надпись, сделанная автором на обложке автографа: она содержит не только название доклада, но и указание на правку стенограммы и ее возвращении в Институт истории, а также дату смерти С. А. Жебелёва – эти записи на обложке, в отличие от названия, сделаны ручкой с другими чернилами (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 1). Заметим, что дата смерти академика была вписана автором и в стенограмму ташкентского заседания (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 37). Кроме того, некоторые добавления, внесенные автором со свойственной ему аккуратностью в стенограмму и в автограф, буквально совпадают (ср., например: СПбФ

АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 2–3 и АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 29).

Поэтому текст доклада стенограммы, выправленный автором, почти во всем повторяет находящийся в СПбФ АРАН автограф, различия касаются, по преимуществу, разделения текста на абзацы и предложения, пунктуации, расшифровки аббревиатур (РАО, ЖМНП и др.), наличия или отсутствия инициалов в упоминаемых автором фамилиях, замены отдельных слов и т. д. Значительная их часть объясняется тем обстоятельством, что автограф, в отличие от стенограммы, содержит и более позднюю правку, которая связана с последующей подготовкой автора доклада к печати в «Византийском временнике» (например, объединение абзацев в начальной части доклада, см.: СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 2–4). Наконец, в том же деле из личного фонда Л. А. Мацулевича содержится машинописный вариант текста с учетом всех исправлений в автографе (Там же. Л. 48–60). В эту машинопись автор внес последние изменения: на первой странице добавил имя («Л. Мацулевич») и сделал сноску («Доложено на траурном заседании Ташкентской группы АН СССР») (Там же. Л. 47), исправил опечатки, вписал от руки иностранные слова (Там же. Л. 57), внес незначительные поправки – например, выражение «три года назад» заменил на более общее указание «несколько лет назад» (Там же. Л. 56). По-видимому, этот последний вариант текста и был отправлен автором для публикации в «Византийский временник» в феврале 1946 г. (Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 11), однако он так и не был напечатан в этом журнале. Текст доклада из стенограммы ташкентского заседания 31 января 1942 г., таким образом, не содержит этих последующих

изменений, сделанных после даты правки стенограммы
27 марта 1942 г.

Стенографический отчет
Объединенное заседание Института:
Истории, Истории материальной культуры и
мировой литературы Академии Наук СССР и
Института языка, литературы и истории УзФАН,
посвященное памяти академика С. А. Жебелёва
31 января 1942 г.
Академия Наук СССР
Институт истории
г. Ташкент
Стенограф – Т. Вандербеллен

[...]

Акад. ГОТЬЕ. – Я совершенно уверен, товарищи, что даже те из нас, кто мало знал покойного С. А. Жебелева, теперь, послушав несколько докладов, посвященных его памяти, знают этого человека, этого ученого.

С. А. Жебелев всю свою научную жизнь, а он справил полувековой юбилей, провел в Ленинграде. Его ученая деятельность принадлежит Ленинграду, хотя началась она задолго еще в прежнем Петербурге. В Москву Сергей Александрович до переезда туда Академии Наук ездил мало, бывал редко. В ученых кругах Москвы его знали мало, тогда как в Ленинграде, как мы это сегодня слышали, его знали очень хорошо. Однако с 1935 года, когда общие собрания, которые, как правило, происходили каждый месяц, перенесены были в Москву, Сергей Александрович до самого последнего времени (последний раз он был в Москве весной 1941

г.) был посетителем Москвы, постоянно принимал участие в сессиях Отделения истории и философии, заседаниях институтов. Его участие в заседаниях того же Института истории было самым живым, он во все входил, всем интересовался. Стоило посмотреть, как много народу было в приемной Отделения истории и философии в дни сессии, народу, который жаждал побеседовать с Сергеем Александровичем, посоветоваться, проконсультироваться. Это не были праздные посетители, это не были знакомые, друзья, нет, это были люди, которые хотели посоветоваться с С. А. Жебелевым, как с ученым.

Я не могу не напомнить присутствующим того замечательного эпизода, который имел место год и месяц тому назад. В конце декабря 1940 года была сессия Отделения. Только что, за несколько дней перед этим, в Ленинграде торжественно был отпразднован пятидесятилетний юбилей научной и педагогической деятельности С. А. Жебелева. Казалось бы, что еще нужно - прошел юбилей, и все. Но в Москве почти самоотечком возникло желание повторить празднование юбилея. Этот второй юбилей был действительно чувством С. А. Жебелева, чувством, в котором приняли участие все те научные силы, которые почему-либо не смогли почтить юбиляра в Ленинграде. Несколько докладов, необычайно душевных, проникнутых большой теплотой, отмечали то особое специфическое отношение С. А. Жебелева к науке и занимающимся ею, которое было отмечено также и сегодня. Говорили о Сергее Александровиче, о его отношении к людям и науке. Все это было чрезвычайно сердечно и душевно. Это, пожалуй, самая главная, основная черта, которую я склонен был бы сейчас

отметить применительно к этому торжеству, которое имело место год и месяц тому назад.

Очень скоро после этого чествования один из ученых, участников празднования юбилея, умер⁷⁸, и С. А. Жебелеву пришлось занять его место как руководителя Сектора античной истории в Институте истории Академии наук. Этот сектор развивался медленно, в Москве не было таких сил, какие были издавна в Ленинграде, где С. А. Жебелев поддержал и двигал вперед те блестящие традиции разработки культуры, литературы древнего мира, которые сложились в Ленинградском, тогдашнем Петербургском, университете еще во второй половине XIX в. Этого, повторяю, в Москве не было, и С. А. Жебелеву пришлось положить начало развитию данного сектора.

Вот несколько небольших фактов, о которых мне хотелось сказать. Может быть, они не особенно значительны, но, думается, вопрос об отношении С. А. Жебелева к московским ученым и московских ученых к С. А. Жебелеву, стоило отметить на сегодняшнем заседании, посвященном его памяти.

С. А. Жебелев был всегда необычайно строг к себе, требовал много и от других. Внешне он был немного суховат, подтянут. Эта строгость к самому себе, к своим занятиям, к своей работе, к науке и делала С. А. Жебелева таким блестящим представителем науки.

Сегодня мы слышали в последнем докладе, как тяжелы были последние дни жизни С.А. Жебелева и как стоек и мужественен был он. Это – стойкость

---

⁷⁸ Речь идет об Иване Александровиче Джавахишвили (11 (23) апреля 1876– 18 ноября 1940, академике АН СССР (с 1939).

гражданина, стойкость советского патриота. Мы можем единодушно сказать – вечная память этому прекрасному представителю русской и советской науки.

[...]

Смерть на посту. Памяти С. А. Жебелева⁷⁹

МАЦУЛЕВИЧ. – Есть люди темпераментные, по существу властные, их воля закалена с юношеских лет, и они продолжают крепить ее упорно; дисциплина – их жизненный нерв. Они неутомимые труженики, и всякое дело, к какому бы они ни прикоснулись – а пройти стороной от ответственного предприятия несовместимо с сущностью их природы – неминуемо оказывается всецело в их преданных руках; оно как бы срастается с ними, и они с ним срастаются любящей душой.

Они, несмотря на то что ведут сами напряженную исследовательскую работу, раскрепощают других от многих мелких и средних забот, от всего трудоемкого и хлопотного, а сами не гнушаются никакой нагрузкой.

Они, будучи подлинными учеными, с такой простотой и покоряющей четкостью подойдут к тебе, к твоей рукописи, вложат столько мастерства и заботы в твое творческое детище, что в отношениях с ними как-то внезапно расцветает интимное доверие и дружба.

Они, при этом, не заискивают, – напротив, их замечания непреклонны и почти беспощадны; во всем видна глубокая принципиальность, суровая требовательность к себе, какая-то прямая-прямая жизненная линия.

---

⁷⁹ Название доклада вписано в текст стенограммы Л. А. Мацулевичем.

Они, с душой нежной и ищущей нежности, сами готовы оказывать всяческую поддержку и расширять свою опеку даже на самый быт людей, которых они оценили в редакциях или в рабочих кабинетах.

Они могут высказываться на людях громким, невольно обращающим на себя внимание голосом – подчас слишком громким; их суждения часто облечены в безапелляционную форму, к тому же с оттенком суховатого поучения.

– При всем этом определяющим личность людей данного типа служит сдержанная скромность.

Тогда как знающие их ближе, в том числе люди широкого размаха, можно сказать, не в состоянии обходиться в своей деятельности без человека такого склада, легко может статься, что сторонний зритель не выделит их в веренице заурядных встреч и вовсе не заметит крупного жизненного дела их, не выставяемого напоказ, не рекламируемого.

К числу подобных натур принадлежал недавно скончавшийся в Ленинграде Сергей Александрович Жебелев – с 1914 г. член-корреспондент, с 1927 г. действительный член Академии Наук СССР⁸⁰.

В самом деле, вспомним для примера деятельность Сергея Александровича в Журнале Министерства народного просвещения, где он в течение 15 лет, с 1903 до 1918 гг., т.е. до момента прекращения журнала, был членом редакции и редактором Отдела классической филологии. Журнал этот в своей неофициальной части был хорошо поставленным научным ежемесячником, многосторонне отражавшим научную мысль. Это был один из самых солидных

---

⁸⁰ Основные биографические данные и список печатных трудов С. А. Жебелева см.: Вестник древней истории 1940 № 1, стр. 176–187; Советская Археология, т. VII (1941), стр. 7–15. [Прим. автора]

наших журналов. В нем печатались виднейшие ученые того времени, многие здравствующие поныне академики, члены-корреспонденты, профессора.

В течение долгих лет редактором журнала был Э. Л. Радлов⁸¹. Последний настолько доверял С. А. Жебелеву и так высоко ценил его, что перепоручил ему ряд редакторских и организационных функций. Из редактора одного отдела Сергей Александрович превратился в центральную фигуру, в жизненный нерв издания.

В частности, мастерству ведения дела именно С. А. Жебелевым мы обязаны, что Журнал Министерства народного просвещения мог гордиться замечательной четкостью своих обязательств. На задней странице обложки каждого месячного номера печатно фиксировалась дата рассылки книги: «вышел 1-го числа данного месяца». Всегда первого! Это достигалось не только тем, что редакция обеспечивала себя рукописями более, чем на полгода, а особенно тем, что С. А. Жебелев сумел организовать дело так, что материал бывал окончательно подготовлен к печати заблаговременно – номера на 4 вперед, что одновременно находилось в наборе ли, в верстке ли, в брошюровке ли 3–4 очередных номера.

С. А. Жебелев списывался со многими работниками провинциальных университетов, поддерживал их начинания, обрабатывал рукописи; он обеспечивал приток доброкачественного материала и высокое качество его редактирования.

---

⁸¹ Имя и отчество – Эрнест Львович, первоначально указанные в стенограмме полностью, зачеркнуты Л. А. Мацулевичем, оставлены только инициалы. Эрнест Львович Радлов (1854–1928) – русский философ, историк философии, филолог и переводчик, редактор ЖМНП с 1899 г.

Известны случаи, когда Сергей Александрович по просьбе или с согласия авторов сжимал непомерно разросшиеся работы, и делал это он с таким тактом, с таким пониманием разрабатываемых в статье проблем, что авторы оказывались преисполненными глубокой благодарности.

Они часто становились его друзьями: они узнавали благородство его, сближались с ним во время работы. И это были люди разных национальностей – и русские, и украинцы, и армяне, и грузины, и евреи и т.д.

Объясняется это тем, что Сергей Александрович сам был и оставался до конца дней чутким исследователем, стоящим на широкой филологической, исторической и лингвистической базе. Ему были близки все виды источников от письменных, языковых до археологических и искусствоведческих. Его интересы охватывали вопросы, как будто далекие от его специальности, но близкие ему как культурному человеку и патриоту русской, а затем советской науки. Во время редактирования С. А. Жебелев сам переходил к изысканиям, подсказанным редактируемой работой. Результаты таких изысканий в большинстве в печати не появлялись, кроме разве как в редакторской правке или в редакторских предложениях авторам.

Известен, например, случай с исследованием покойного академика Я. И. Смирнова о фригийском боге-месяце⁸². Статья, предназначенная для сборника в

---

⁸² Речь идет о статье: Смирнов Я. И. О фригийском боге Месяце // *Στεφανος*. Сб. статей в честь Федора Федоровича Соколова. СПб., 1895. Яков Иванович Смирнов (1869 – 1918) – русский археолог и историк искусства, чл.-корр. Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (с 1907), ординарный академик РАН по Отделению русского языка и словесности (с 1917). Я. И. Смирнов – старинный и близкий друг С. А. Жебелева, состоял с ним в активной

честь Соколова, должна была печататься на средства автора. А таковых было мало. Подобный расход надолго бы отразился на материальном положении автора. И вот, статья была переоформлена Жебелевым, конечно, с согласия Я. И. Смирнова.

Здесь сказалась и другая черта Сергея Александровича – это дружеская забота о жизни, о благополучии, наконец, просто о материальном обеспечении соприкасавшихся с ним людей. Академик В. В. Струве рассказал мне как-то, как однажды к покойному академику Тураеву зашел Жебелев со словами: «поедьте спасать Шилейку». И оба очень занятых профессора отправились к нему. Покойный В. К. Шилейко⁸³ был многим жизненно обязан Жебелеву. Да разве один Шилейко!

Напомню, кстати, это не все знают, что работы многих ученых, не законченные изданием при жизни авторов, были завершены после их смерти С. А. Жебелевым. Таков III том *Byzantina* Беляева; таков II том книги Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России» и др.

Эта сторона деятельности С. А. Жебелева оставалась вне поля зрения сторонних людей, как оставалось в тайниках редакции и читателю неизвестным, что душой производства Журнала Министерства народного просвещения был Жебелев. На внутренней стороне зеленой обложки журнала помещалась подпись лишь редактора Э. Л. Радлова.

переписке. Об этом см.: Тункина, Фролов 1993, 181–187 (воспоминания С. А. Жебелева о Я. И. Смирнове); Тихонов 2009, 449–470.

⁸³ Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891–1930) – востоковед, поэт и переводчик, второй муж Анны Ахматовой.

В связи с деятельностью Сергея Александровича в Журнале Министерства народного просвещения вспоминаю мою последнюю встречу и нашу последнюю беседу с ним.

Это было в середине сентября минувшего 1941 года в столовой Академии Наук в Ленинграде. В полуподвальном помещении столовой с заложёнными кирпичом окнами для защиты от осколков мы были застигнуты часа на полтора-два воздушной тревогой. Пальба наших зениток усиливалась, включались в бой ближние батареи. Было слышно клокотанье моторов вражеских самолетов. Сергей Александрович сидел сосредоточенно, предавался воспоминаниям, рассказывал.

Он гордился тем, что ему удалось довести Журнал до конца, не оборвать незаконченным 1917 год. Последний 72-й том новой серии был издан уже Народным Комиссариатом по просвещению с предисловием Комиссариата. На 55 страницах официальной части книги напечатаны первые декреты, распоряжения, обращения, воззвания Советской власти, относящиеся к просвещению, вопросам культуры и охраны культурного наследства.

Так знаменательно 15-летняя деятельность С. А. Жебелева в Журнале Министерства народного просвещения слилась с жизнью новой эры. Он, близко стоявший к своему другу – академику Н. Я. Марру, исключительно высоко ценившему Сергея Александровича, не оказался в оппозиции, а принял Советскую власть сразу.

Вспоминал в эту последнюю нашу встречу Сергей Александрович и иные моменты, еще дореволюционного времени. Беседу он вел в этой тревожной обстановке воздушного налета тихим

голосом. Вдруг оживился и воскликнул: «а ведь вам, батенька, никогда не приходилось быть секундантом...».

И он красочно рассказал следующий эпизод, связанный с его влиятельным положением в редакции ЖМНП.

Э. Л. Радлов, стремясь возможно шире отразить в возглавляемом им журнале различные общественные течения, привлекал к редактированию отделов людей противоположных политических направлений. Между прочим, был приглашен и редактор одного крупного либерального журнала-ежемесячника того времени⁸⁴. Радлов при этом полагался на свой авторитет, опыт и жизненный такт.

Однако, на одном из заседаний редакции разыгралось следующее. Представитель реакционных течений позволил себе грубую выходку против передовой прессы того времени и в частности против редактора одного из отделов Журнала Министерства народного просвещения. Инцидент разыгрался столь мгновенно, что Радлов и слова не успел вымолвить, как подвергшийся оскорблению встал из-за стола со словами что он знает, что ему осталось делать, и грозно вышел.

Это был человек отменно высокий, крепкого сложения.

Обидчик тоже поднялся – он был плюгавенький, жидкий.

---

⁸⁴ Название журнала зачеркнуто Л. А. Мацулевичем – видимо, это «Русское богатство», ежемесячный либеральный литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1876 по 1918 г. Данный эпизод мог произойти в период до 1914 г. (с 1914 г. журнал поменял свое название на «Русские записки»).

– Что Вы наделали! – произнес Радлов. – В какое положение Вы поставили наш журнал!

Обидчик храбрился. Сергей Александрович указал тогда ему, разве он не понимает, что ушедший пришлет секунданта с вызовом на дуэль. Он указал, что тот стрелок изрядный, а обидчик и пистолета в руках не держал. Наконец, он указал на рост и силу обиженного, который просто раздавить может обидчика.

Жебелев неспроста говорил так, он знал, как нужно действовать с подобным субъектом.

Напуганный обидчик стал податлив. В поисках выхода он согласился написать извинительное письмо и обратился к Сергею Александровичу – быть его секундантом и передать это письмо.

Сергей Александрович отправился на квартиру к оскорбленному и вручил ему послание. Он, конечно, не упоминал о возможности дуэли и о том, что к нему уже обращена просьба обидчика быть секундантом.

Обиженный не удовлетворился привезенным письмом, но, идя на доводы Сергея Александровича, поставил условием публичное, в присутствии всей редакции, извинение, осуждение своего поступка и отказ от своих слов.

И не без смака Сергей Александрович прибавил, что и этот второй потенциальный дуэлянт просил его быть секундантом в случае, если его условия не будут приняты оскорбителем. Все было улажено, и энергичные действия двойного секунданта были покрыты авторитетом Радлова.

Этот исключительный эпизод, так сказать, гипертрофически вырисовывает скрытую от широких глаз роль Жебелева в зыбкой мелкобуржуазной предреволюционной среде, где протекала его деятельность.

Параллельно с Журналом Министерства народного просвещения С. А. Жебелев вел издание другого выдающегося научного журнала – Записок классического и византийского отделения Русского Археологического Общества. Он 24 года был секретарем этого Отделения – с 1894 по 1918 г. Издание Записок было поставлено им на исключительную высоту. Редактор обеспечивал авторов максимальным количеством прекрасно исполненных иллюстраций, поощряя авторов на увеличение их, сам подыскивая лучшие для воспроизведения образцы. Томы Записок классического отделения отличались от остальных Записок не только цветом голубоватой обложки, но и качеством бумаги, потому что Сергей Александрович был знатоком и ценителем хорошей бумаги, хорошо оформленной книги.

Во всей редакторской и издательской деятельности Жебелева, в его, так сказать, прямой-прямой жизненной линии можно проследить направляющую идею: уважение к русской науке, высокая оценка ее достижений, защита ее от недооценки, всесторонняя помощь ее развитию, пропаганда ее достижений.

Поэтому Сергей Александрович не жалел своих сил, чтобы публикации русских исследований были оформлены и иллюстрированы не только не ниже европейских изданий подобного рода, но еще полнее и лучше.

Степень преданности человека науке определяла его личное отношение к данному человеку: «грешно будет забыть, – писал он в некрологе Бузескула, – что вся полувековая деятельность Владислава Петровича ознаменована исключительной преданностью интересам научного знания» (ИАН СССР, 1931, № 10).

Любопытно, кстати, отметить то значительное количество некрологов, которые написаны Жебелевым. Он проводил памятным словом и маститых ученых и начинающих юношей. Во всех этих теплых памятных строках характерна та же черта⁸⁵. Автор стремится собрать мелкие черточки, сохранить их от забвения и воссоздать на примере законченного жизненного пути то крупное научное дело, которое выполнено трудами ученых России, а затем учеными Советского Союза. Когда читаешь эти некрологи, фигура ушедших встает перед нами своими обаятельными сторонами, как живая. Становится ясным и другое – почему они любили этого скромного, подчас резкого человека, почему у Сергея Александровича было столько друзей. А в числе их были личности выдающиеся, деятели передовые.

Память умерших он бережно ограждал и у самой могилы. Мне рассказывали, как в последние годы, весной, когда тают снега, он направлялся на литераторские мостки Волкова кладбища в Ленинграде, проверял, в порядке ли надписи на памятниках, не обезличены ли могилы дореволюционных и советских ученых. Он лично принимал участие в редактировании многих памятных табличек. Но было несправедливо усматривать в таких интимных заботах – от некролога до кладбищенской памятки – националистическую узость или, тем более, шовинизм. Он глубоко ценил европейскую науку и имел среди ее представителей подлинных друзей, например, английского ученого Э. Миннса⁸⁶. На смерть иностранных ученых Сергей

---

⁸⁵ Так в тексте.

⁸⁶ Эллис Ховелл Миннс (Ellis Novell Minns, 1874–1953) – британский археолог, историк античности и славист, профессор Кембриджского университета. О научных связях и дружеских

Александрович откликнулся тоже рядом некрологов (Вилямовиц-Меллендорф⁸⁷, А. Гейзенберг, Г. Дильс, А. Кирхгоф, Д. Компаретти, Э. Легран, А. Михаэлис, П. Фукар, А. Фуртвенглер и друг.). Своими поминками иностранных ученых он, между прочим, стремился ввести в круг сравнительно широкого читателя и студенчества знакомство с передовыми достижениями мировой науки. Сергей Александрович не уставал твердить и воспитывать в молодежи, что нельзя замыкаться в узком кругу вопросов и памятников одного района, а необходимо широкое знакомство с памятниками других стран, с иностранной наукой, с проблемами, выдвинутыми ей.

При этом он требовал от своих учеников, и вообще от научных работ, точности, доведения обосновываемых положений до предельной ясности и четкости.

Помимо того, что Сергей Александрович почти в течение всей своей сознательной жизни вел педагогическую работу, он много труда посвятил популяризации знания. Характерно, что, будучи хранителем Музея древностей Петербургского (ныне Ленинградского) университета, он счел обязанностью составить Систематический каталог библиотеки, занимающий 128 печатных страниц (СПб., 1901). Это был полезный справочник, и он много помог нам в наши молодые годы. Ряд же других, широко распространенных, популярно написанных им книг и справочных сводок общеизвестны.

отношениях С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева и Э. Ч. Миннза см.: Бонгард-Левин 1997, 305–328; Бонгард-Левин, Бухарин, Тункина 2003, 477–544.

⁸⁷ Так в тексте, без инициалов.

С. А. Жебелев был по специальности классиком. Вместе с тем он всегда был в курсе проблем византиноведения и был связан тесными узами с основоположниками науки византиноведения, особенно с таким титаном, как Н. П. Кондаков; был тесно связан с учеными, занимавшимися областью византино-русских, византино-славянских отношений. Он, между прочим, сам перевел и опубликовал отрывок о славянах Маврикия Стратега.

Три года тому назад С. А. Жебелев с полным правом и гордостью мог писать: «В лице Васильевского, Успенского и Кондакова византиноведение поднято было у нас на такую высоту, как едва ли какая другая из исторических дисциплин. Вся европейская наука преклонялась перед этими именами, а мы этими именами вправе гордиться» (ВДИ, 1938, № 4, стр. 15). А к ним – к этим трем именам, скажем от себя, можно присоединить и другие.

Упомянув в той же статье Manuel Ch. Diehl⁸⁸, он морально не мог не подчеркнуть, что это французское руководство «полно ссылок на труды русских ученых» (там же, стр. 18).

Оценивая заслуги нашего византиноведения в прошлом, С. А. Жебелев считал себя не вправе скрыть, что советское византиноведение еще не успело занять того ведущего места, которое по праву должно принадлежать ему в нашей стране.

И вот в конце 1938 года он печатает статью «Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в Советской науке» (ВДИ, 1938, № 4, стр. 13 слл.). В ней он устанавливает, что византиноведение «у нас в СССР стоит на пути возрождения в связи с актуализацией

---

⁸⁸ Diehl Ch. Manuel d'art byzantine. Paris, 1910.

исследования русско-византийских отношений и вопросов древнего периода истории СССР» (стр. 20). Он первый громко заявил об этом начале возрождения, только не полностью выдвинул очередные задачи. У нас – в единственной в мире стране, где равноправие и равноценность народов Востока не только признаны, но осуществлены в жизни – в науке и в практике, византиноведение получает необозримые возможности. Оно неделимо сливается с востоковедением и должно дать величественную картину взаимоотношений народов Востока, великих цивилизаций Востока и наследия античной цивилизации Европы. Оно должно поистине перекинуть «Золотой мост» не только из Византии на Восток, но и с Востока в Византию. Поэтому очередной задачей его стало показать те великие вклады, которые внесли народы Востока, народы СССР в частности, в сокровищницу мировой культуры за все Средневековье. При этом, само собой разумеется, не должно быть упущено и выяснение роли Византии, на разных этапах ее истории, в варварских и восточных странах; историческое значение ее самой ни в коем случае не должно быть умалено.

В грозные дни нависших над Ленинградом событий Жебелев остался верным линии своего жизненного пути. В героическом Ленинграде он на своем посту был одним из тех героев, которыми держится бодрость нашего родного Ленинграда, заслужившего всемирную славу города-героя. Более молодые сослуживцы Жебелева рыли окопы, юноши ушли на фронт большей частью добровольцами. Археологи ИИМКа, привыкшие к раскопочным полевым работам, выдвигались на первые места по мастерству изготовления рвов и окопов.

74-летнему С. А. Жебелеву, конечно, не приходилось рыть окопы. Ему надлежало оставаться на фронте культурной работы и там на своем участке – а участки в Ленинграде ответственны все – показать себя героем.

История отметит разительный, на первый взгляд несовместимый с обычным понятием войны, факт. Советская молодежь героически бьется на фронте. А в дни передышек эта молодежь отпускала военным командованием в ученые учреждения для защиты своих диссертаций, диспут по которым не успел состояться до коварного июньского нападения на нас германцев. – Жебелев участник диспутов.

В осажденном Ленинграде не смолкла даже симфоническая музыка. Мне пишут оставшиеся там товарищи, как группа ИИМК'овцев ходила на концерт, посвященный Чайковскому. Среди них 74-летний Жебелев. Он был знатоком и ценителем музыки и был лично связан с некоторыми композиторами.

В эти же грозные дни директор Эрмитажа академик Орбели направляет внимание своих сотрудников на научные проблемы, на перспективы исследовательских работ в 1942 г. В перерывах между тревогами эрмитажники спускаются со своих постов военного времени – постов пожарных, охранников, дежурных. Они готовят празднования в Эрмитаже юбилеев Низами, затем Навои. На парадных заседаниях, где было, как мне пишут, светло, тепло и уютно, по-новому звучат слова великих поэтов в только что сделанных эрмитажниками переводах, мысли и музыка которых проверены и оправданы в звуках канонад.

Жебелев, верный своему отношению к заслугам русской науки, организует заседание в память столетия со дня рождения профессора Петербургского, ныне

Ленинградского университета Ф. Ф. Соколова – историка-классика, учителя многих выдающихся ученых. В условиях частной неподачи света и продовольственных затруднений С. А. Жебелев бодрит товарищей (последнее время он стоял во главе ИИМКа и ИЯМа) и направляет их мысль на культурные задачи будущего и на героику научного прошлого. Он редактирует рукописи, он консультирует горячо, страстно.

В разновременные полученные мной письма от товарищей постоянно попадают сочувственные упоминания о С. А. Жебелеве. В письме от 30.XI.41, между прочим, пишут, следующее: «С удовольствием часто беседую теперь с Сергеем Алекс. – крепче он многих, бодрее и здоровее; говорим с ним и о музыке, и о людях, и о прошлых университетских годах; 11-го в Институте истории будет заседание, посвященное столетию со дня рождения Ф. Ф. Соколова. Сергей Александрович, худенький теперь, как и все, и маленький, еще более маленький, чем всегда, выступит с докладом. Ничем не хочет он выделяться среди других, и потому горделиво отказывается от всяких дополнительных снабжений... Молодчина».

В этом «молодчина», сорвавшемся из глубины души, так отчетливо ярко раскрывается перед нами, какой отклик, какую оценку нашли в среде окружавших Жебелева товарищей-ленинградцев его духовная бодрость и мужество, невзирая на физическую слабость, его непоколебимое стояние на посту.

Выступление на заседании в память Ф. Ф. Соколова было, вероятно, последним публичным выступлением С. А. Жебелева. До нас еще не дошли подробности его смерти (28.XII.41 г.). Он скончался в Ленинграде в дни начавшегося разгрома гитлеризма.

Выдержанностью и стойкостью на своем посту он еще раз подтвердил свое право называться советским гражданином – быть достойным гражданином величайших дней славного города Ленина.

Стенограмма проверена

Мацулевич

Ташкент 27.3.1942

Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 1, 23–24, 29–37.

Список литературы

Баженова Н. М. 2015: Ученые – герои Ленинградской блокады: председатель Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений академик Сергей Александрович Жебелёв. Евразийский союз ученых, 7 (16), 32–34 (<http://rosvos.net/history/ippo/rpo/10/jebelev/2>).

Бонгард-Левин Г. М. 1997: М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии. В кн.: Скифский роман. М., 305–328.

Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Тункина И. В. 2003: Скифский мир М. И. Ростовцева и Э. Х. Миннза. В кн.: Парфянский выстрел. М., 477–544.

Бугаева Н. В., Ладынин И. А. 2016: «Наш учебник по древней истории выдержит экзамен...». Заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР 22 марта 1949 г. В кн.: Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. М., 187–194.

Бухерт В. Г. 2016: «В эти грозные дни надо было быть вместе». Письма академика Б. Д. Грекова. 1941–1944 гг. В кн.: Пивовар Е. И. (ред.) Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение): Материалы Всероссийской научной конференции. М., 95–114.

Гаврилов А. К. 1992: Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IosPE I² 352–Syll.³ 709). В кн.: Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 53–73.

- Диль Э. 1940: VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа 1939 г.). Вестник древней истории, 1, 214–216.
- Жебелев С. А. 1933: Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Л.
- Жебелев С. А. 1938: Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Вестник древней истории, 3, 49–71.
- Жебелев С. А. 1993: Автонекролог (1932). Вестник древней истории, 2, 172–201.
- Жебелёв С. А. 2000: Моя «эвакуация» // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 358–368.
- К 50-летию юбилею... 1940: К 50-летию юбилею научно-исследовательской и общественно-педагогической деятельности академика С. А. Жебелева // Вестник древней истории, 1, 160–187.
- К 100-летию... 1968: К 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева. Вестник древней истории, 3, 145–175.
- Карпюк С. Г., Малюгин О. И. 2017: «Советская древность», взгляд из XXI века // Вестник древней истории, 77, 2, 459–464.
- Кольцов А. В. 2000: «Пережитого за истекший месяц я не забуду» (Записка академика С. А. Жебелёва о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда). В кн.: Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 349–370.
- Крих С. Б. 2013: Образ древности в советской историографии. М.
- Кулишова О. В, Фролов Э. Д. 2017: Восемнадцатые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (19 – 21 октября 2016 г.) // Вестник древней истории, 77, 2, 497–505.
- Письма Ростовцева... 1997: Письма М. И. Ростовцева С. А. Жебелеву, Ф. И. Успенскому, Н. Я. Марру / Публ. И. В. Тункиной. В кн.: Скифский роман. М., 369–415.
- Соленикова Е. В. 2004: Л. А. Мацулевич: архив ученого В кн.: Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 436–457.
- Тихонов И. Л. 2009: Я. И. Смирнов в Петербургском университете: студент, магистрант, приват-доцент // Мнемон, 8, 449–470.
- Тункина И. В. 2000: «Дело» академика Жебелёва. В кн.: Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. II, 116–161.
- Тункина И. В. 2017а: Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941). В кн.: Тункина И. В. (ред.) Жебелёв С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924). М., 311–313.

Тункина И. В. 2017b: Мацулевич Леонид Антонович (1886–1959). В кн.: Тункина И. В. (ред.) Жебелёв С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). М., 426.

Тункина И. В., Фролов Э. Д. 1993: Историографические этюды С. А. Жебелева (вступит. статьи и публикация текста) // Вестник древней истории, 1, 182–194; 2, 172–201; 3, 180–202; 4, 187–209.

Фролов Э. Д. 2006: Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006.

Формозов А. А. 2006: Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.

Žébélév S. 1936: L'abdication de Pairisadès et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore // Revue des Études Grecques, 1936, 49, 229, 17–37.

АВТОРЫ КНИГИ

Ашаева Анастасия Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея криптографии, ashaeva.nv@gmail.com

Вигасин Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, alexey.vigasin@gmail.com

Карпюк Сергей Георгиевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ и ГАУГН, oxlos@yandex.ru

Кириллова Мария Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана, marikirillowa@yandex.ru

Крих Сергей Борисович – доктор исторических наук, профессор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, krikh@rambler.ru

Кулишова Оксана Викторовна – доктор исторических наук, профессор СПбГУ, o.kulishova@spbu.ru

Метель Ольга Вадимовна – кандидат исторических наук, доцент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, olgametel@yandex.ru

Поникаровская Марина Владимировна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, poni-marina@yandex.ru

Скворцов Артём Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, artyom-skvorcov@yandex.ru

Спиченко Нина Константиновна – кандидат исторических наук, доцент РАНХиГС и ГАУГН, irnitana@gmail.com

Шарнина Ариадна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена, ariadna@setname.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Карпюк С.Г.</i>)	3
I. Подготовка кадров и советские мегапроекты 1930-х годов	
1. Кадры решают всё? Подготовка кадров по античной истории в 1920–1930-е гг. (<i>Скворцов А.М.</i>)	7
2. История древности во «Всемирной истории» (<i>Карпюк С.Г., Крих С.Б.</i>)	56
3. История древности в «Истории СССР» (<i>Кириллова М.Н.</i>)	124
II. Война и мир (древний)	
1. Древняя история и актуальная политика: научные контакты советских и германских ученых в 1939–1941 гг. (<i>Карпюк С.Г., Кулишова О.В.</i>)	184
2. Потерянная книга: «История культуры», не изданная в 1941 г. (<i>Вигасин А.А., Карпюк С.Г.</i>)	214
3. Последние годы академика С.А. Жебелёва (<i>Карпюк С.Г., Кулишова О.В.</i>)	237
4. Диспут военного времени: защита докторской диссертации А. В. Мишулиным в 1943 г. (<i>Скворцов А.М.</i>)	285
5. Филолог-классик И.И. Толстой и его семья в 1941–1945 гг.: блокада, эвакуация в Казань, возвращение в Ленинград (<i>Поникаровская М.В.</i>)	302

III. Всемирное потепление: от холодной войны к оттепели

1. Передовицы в журналах по древности в эпоху холодной войны (*Ашаева А.В.*) 320
2. Французский взгляд на советскую историографию 1950-х гг. (*Спиченко Н.К.*) 336
3. Хью Грэхем: американский взгляд на советскую античность (*Карпюк С.Г., Кулишова О.В.*) 355

IV. Учреждения и люди

1. Изучение древней истории в СССР: развитие академической и вузовской науки в 1920–1980-е гг. (*Метель О.В.*) 372
  2. Преодоление времени: судьба и научное творчество Л.М. Глускиной (*Шарнина А.Б.*) 446
- Заключение (*Карпюк С.Г.*) 480
- Summary 482
- Авторы книги 491

Научное издание

**«Советская древность»: люди, учреждения, книги
и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк**

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Подписано к печати 18.10.2021
Формат 60x80/16. Усл. печ. л. 31,5
Гарнитура Times New Roman Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Заказ №

ИВИ РАН Москва, Ленинский пр-т, 32-а